

как он сам рассказывает, от государственных дел и на досуге занявшись (по просьбе друзей) сравнительным изучением риторических сочинений Демосфена и Элия Аристидея, отказывается отдать пальму первенства одному из этих двух риторов, которые, по его мнению, равны между собой по своему «этосу», по природному таланту, по силе выразительности слова, и развивает проникнутое глубоким историзмом суждение о том, что особенности ораторского искусства каждого из них обуславливались той эпохой, в которую они жили, тем общественным, идеологическим и политическим климатом, в котором они творили. В то время, говорит он, как Демосфен жил в эпоху расцвета афинской демократии («свободы демоса»), находился в гуще жизни своего полиса и решительно ставил свое красноречие на службу родине и согражданам, «не желая ни изощряться в сладкоговорении, ни выказывать его», Аристидея же в условиях «абсолютной монархии цезарей Римской империи, властительницы мира». По своему характеру и природной склонности жить для себя самого или же вследствие обстоятельств он отказался от всяких попыток общественной деятельности, полностью отдавшись «харитам чистой риторики» и «театрам для демонстрации красноречия», щедро используя всю свою природную плодовитость и силу искусства, в сущности, «для ничего» (πρὸς οὐδέν), не подозревая, что даже его слушатели боялись, что он покажется им пустым софистом, болтающим лишнее и не подходящее моменту⁴⁴. {239}

О новом взгляде на античность свидетельствует и пробуждение у византийских писателей некоего «археологического чувства». В замечательном письме Феодор II Ласкарис поведал о волнении, которое он испытал, созерцая руины Пергама; Никифор Хумн прославил древности Фессалоники; при осмотре развалин древней Спарты гидом у итальянца Чириако Пициколли из Анконы был (возможно, по поручению Плифона) живший в Мистре Лаоник Халкокондил. Византийские писатели много и охотно писали об Афинах, которые, по их мнению, «снова становились мастерской муз»⁴⁵. И не свое ли собственное восхищение этим городом приписывает в энкомиастическом рвении султану Мехмеду II Завоевателю Критовул, собиравший о том, что тот, «охваченный страстной любовью к этому городу и его достопримечательностям... захотел увидеть его и рассмотреть места, где жили и творили те мужи... а когда увидел, то восхитился и расхвалил, особенно акрополь, поднявшись на который он из развалин и обломков выбрал и определил наиболее древнее и подлинное» (*Critob.* P. 231.33—233.6). Нечто подобное испытал при созерцании античных памятников Эллады Мануил Хрисолора, который раньше, зная об Элладе (и особенно об Афинах) из книг, считал, что все, что о них говорилось, страдало изрядной долей преувеличения, а теперь, увидев все своими глазами, изменил мнение: хотя почти ничего здесь не осталось целого и хотя не найти здесь почти ничего, совсем не затронутого ущербом (одни памятники разрушились сами собой, от времени, другие — от рук человеческих), увиденное выше всяких гипербола (PG. T. 156. Col. 25 BC).

Кстати, уже упоминавшиеся «римские письма» Мануила Хрисолоры, одно из которых (более известное под названием «Сравнение старого и нового Рима») в данном случае и цитируется, — это своеобразный и талантливо написанный искусствоведческо-археологический обзор древностей Рима в сопоставлении с древностями Константинополя. Знакомясь с ними, автор исходил весь город, «влюбленными и жадными глазами» взирая на эти прекрасные дворцы, храмы, портики, акведуки, триумфальные арки, надгробия, мраморные колонны, статуи, стелы, изучая вырезанные на них надписи и изваянные на них, словно живые, сцены всевозможных морских и сухопутных сражений, конных схваток, триумфальных шествий, жертвоприношений, силою своего воображения пытаюсь представить жизнь, кипевшую некогда на этих «маршрутах триумфальных шествий». Особый интерес Мануила Хрисолоры вызывает все греческое в Риме, так как «многие памятники были созданы в Элладе, что следует из надписей на них», причем «многочисленных греческих надписей прекрасного и древнего типа». (*Ibid.* Col. 25 D; ср.: Col. 56 C). Именами, прославленными в греческой мифологии и древней истории, «полны улицы [Рима], стены домов, памятники и надгробия древних, и все эти творения отмечены самым лучшим и совершенным искусством, в том числе Фидия, Лисиппа, Праксителя и других им подобных ваятелей. Так что, идя по городу, то и дело наталкиваешься взглядом

⁴⁴ Teodoro Metochites. Saggio critico su Demostene e Aristide / A cura di M. Gigante. Milano, 1969. P. 54—55.

⁴⁵ Johannes Chortasmenos (ca. 1370— ca. 1436/37). Briefe, Gedichte und Kleine Schriften / Hrsg. von H. Hunger. Wien, 1969. S. 201, N 47. S. 8.